

Общение с людоедами

"Нужно всегда носить с собой румяна и пудру. Может случиться, что после отдыха или сна человек выглядит бледным. В таком случае следует наругать себе лицо."

Хагакурэ

Мистер Вада предложил мне сигарету Виржиния Слим. Для человека, который любил отбрасывать жестокий образ, это было довольно слабой принадлежностью. Хемингуэй, к примеру, и близко не подходил к Виржиния Слим. Я взял одну.

"Ки очень важна," сказал он, смачивая свои губы тонким слоем слюны. "Я думаю что ки - это душа вселенной."

"Ммм, да," сказал я. Я хотел бы согласиться, но я не мог согласиться слишком решительно, из страха быть вовлеченным в личное мнение мистера Вада. Мы оба были весьма осторожны, чтобы не наступать друг другу на ноги. И хотя я всегда, казалось, был на грани того, чтобы стать другом мистера Вада, этого все таки так и не случилось.

Мистер Вада был руководителем английского отдела средней школы для девочек, в которой я преподавал по понедельникам. Мне повезло найти работу, где я мог быть лишь раз в неделю. Если я когда-либо поступил бы на полицейский курс, то я смог бы содержать себя, работая целый день по понедельникам, ведь именно по понедельникам дозё было закрыто. В настоящее время это было единственным рабочим местом учителя с неполной занятостью за которое можно было зацепиться, поддерживая Фуджи Хайтс на плаву.

Мистер Вада обладал четвертым уровнем черного пояса по кэндо, японскому искусству фехтования, и преподавал английский и кэндо в школе. Он хорошо выглядел и очень нравился девочкам. С девочками он всегда шутил, но со мной он всегда оставался чрезвычайно серьезным. Вы и не могли подумать, что он в действительности любил своих учеников и чувствовал себя непринужденно с ними.

Но у него всегда увлажнены губы. Вероятно, это было его нервной привычкой.

Мы сидели в учительской, пили зеленый чай и говорили о ки.

В Японии учительские не уютны, как, к примеру, на Западе. В Японии они больше похожи на офисы открытого типа - ряды серых металлических столов, по одному на каждого преподавателя, и доступны школьникам, которые могут беспокоить вас.

Поскольку мистер Вада был настолько популярен, наша беседа часто прерывалась влюбленными до безумства пятнадцатилетними девочками, которые просили перевести его непечатную лирику американских рэп групп. Иногда, из великодушия, он передавал такие просьбы мне, и я должен был горбиться над магнитофоном, задаваясь вопросом, как перевести "motherfucker" ("еб@нутый") и "socksucker" ("ху@сос").

- Ки находится в наших телах, - говорил М-р Вада. - И во вселенной. Это очень сложная вещь.

- А можно увеличить свое ки? - спросил я.

- Мы, японцы, - начал М-р Вада, - это была одна из его любимых фраз в начале речи и была прямым переводом с японского. Я стиснул зубы. - Мы, японцы, верим, что ки - это переменная величина. У человека с плохим здоровьем низкое ки.

- Может ли ки быть другим словом для физического здоровья?

- Я думаю, что ки связано со здоровьем, но ки очень сложно понять.

- Да, - сказал я, хотя мне ки не казалось чем-то особенно сложным для понимания.

Я предполагал, что Вада имел ввиду некую разновидность витализма, представляя ки в качестве основной энергии во вселенной. Ки давало людям их энергию и также оживляло вселенную. Когда течение ки было заблокировано, энергия растрчивалась или рассеивалась - именно это происходило во время болезни. Айкидо стремилось способствовать совершенному течению энергии ки, хотя когда спрашивали Чидэ-сэнсэй о ки, он брал ключ от шкафчика и говорил

"Вот это ки! На, возьми немножко ки!" (прим. пер. - "ки" по-английски значит "ключ")

- А как ваше ки? - я спросил М-ра Вада.

- Мое ки очень хорошо, спасибо, - отвечал он.

Мы погрузились в молчание и он предложил мне другую сигарету с ментолом.

- Американцы не понимают ки, - сказал он через некоторое время.

- Нет, не понимают, - я всегда абсолютно соглашался с осуждением американской культуры. Мне и казалось, что он хотел критиковать весь Запад, но из политической корректности останавливался на Америке.

- Если бы они правильно понимали ки, у них не было бы такой проблемы с наркотиками и преступностью.

- Гм, да.

- Они не видят, что ки требует дисциплины. У Соединенных Штатов нет дисциплины.

- Вы правы, - сказал я.

- А как у вашей страны? - сказал он.

- Да и у нас ее нет, - сказал я жизнерадостно. По какой-то причине М-р Вада вызвал во мне желание пошутить.

- Но в айкидо вы учитесь дисциплине, - сказал он.

- Да, в айкидо мы учимся дисциплине.

Затем я вспомнил, что Вада сказал одному из учителей, что мои рубашки не всегда были безупречно чистыми. Как-то это не вписывалось в мои притязания насчет дисциплины.

- Но это больше, чем просто дисциплина, - сказал я, - Это больше.

Канчо-сэнсэй, основатель, редко говорил о ки. Вместо этого он говорил о силе коку - дыхательной силе.

Однажды на пути домой из додзё Пол, полицейский, предложил показать мне местную достопримечательность, которая имела какое-то отношение к силе коку Канчо.

"Вот это - фонарный столб", - сказал Пол. Мы стояли перед фонарным столбом на спуске с холма, где было додзё. "Тот самый, в который Канчо-сэнсэй врезался на своем велосипеде."

Я посмотрел на столб с повышенным интересом. На нем не было ни вмятин, ни царапин, которые подтвердили возможность столкновения с величайшим живущим практикующим айкидока. Хотя он выглядел так, словно недавно был перекрашен в светло-зеленый цвет, столь любимый токийским департаментом общественных работ. "Это было давно, где-то в начале семидесятых", - добавил он.

У Пола появилась ироничная искорка в глазу - сочетание немного приподнятой брови и едва уловимой улыбки, которую принимали все уроженцы Запада, когда пересказывали чудесные истории о Канчо-сэнсэй. Не то чтобы в аварии было что-то чудесное.

"Вообще-то, - сказал Пол, - у Канчо была настолько замечательная сила бедер, что в тот самый момент, когда он въехал в столб, он вложил полный вес тела через велосипед в обратном направлении и отскочил абсолютно без каких-либо повреждений.

Я был готов признать теоретическую возможность такого действия. В конце концов, я видел как от Чида-сэнсэй "отскакивали" люди в результате приложения концентрированного напряжения силы бедер через плечи и спину - почему, в таком случае, это не могло произойти через седло мотоцикла и руль? Хотя, насколько я представлял, большинство японских велосипедов должно было развалиться от подобного обращения.

- Но почему он вообще въехал в столб? Уж конечно это не свидетельствует о хваленном шестом-чувстве постоянной боеготовности? - спросил я Пола.

- Ну, это произошло после того как он пил со своими друзьями. Он вероятно был пьян в стельку в тот момент.

Все признавали, что Канчо был алкоголиком. Это было частью мифа, как, например, тот факт, что он выкуривал сотни сигарет в день и все еще мог выполнять удивительные трюки физической выносливости. Он был больше всего похож на Тессю из всех людей, что я когда-либо встречал; он разделял пристрастие Тессю к алкоголю, хотя и не был поэтом.

Но сейчас ему исполнилось семьдесят восемь, он часто бывал в больнице и весьма вероятно умирал от рака легких.

Из уважения к нему, как к основателю школы Ёшинкан, его прижизненной связи с мастером Уесиба, к его десятому дану и как к величайшему из ныне практикующих боевые искусства, уж не говоря о том факте, что, обладая скверным характером, он вполне мог убивать людей голыми руками – никто не говорил открыто о его болезни. Иногда люди перешептывались на кухне додзё о его здоровье, но не более того.

То, о чем говорили, было его собрание часов. У Канчо было только два интереса в жизни – айкидо и часы. В его доме было полно их, тиканье слышалось в каждой комнате, от бесчисленных настенных часов, от дедушкиных часов, от вагонных часов и часов с кукушкой, устанавливая прекрасный ритм, отмеряющий его жизнь. Он проводил время, двигаясь от часов к часам, подводя время на них, заводя их, слушая их различные перезвоны, наблюдая раскачивание маятников туда-сюда, ничего не ожидая, кроме смерти – умирающий человек одержим ходом времени.

Я видел Канчо только один раз, и то со спины – меня оттеснили кланяющиеся учителя, когда он пришел в последний раз посетить додзё. Он был очень слаб и его официальный темный костюм был крошечным, словно сшитым на ребенка.

Один из ведущих иностранных учителей, Роберт Мастард, любил задавать один вопрос, чтобы сбить с толку доверчивых новичков: "Какая самая важная вещь в Ёшинкан-айкидо?" Был только один ответ: "Дух". Мастард обладал огромным духом. Если новичок показывал дух, было неважно, если его техника была плоха. Черные пояса третьего-четвертого уровня в отсутствии духа были бы просто проигнорированы Мастардом. Он просто отказался бы их учить. Я переживал, что Мастард мог отказаться учить меня, если бы я был по неосторожности непочтителен, поэтому пошел другим путем, вставая когда он входил в чайную комнату и возился у автомата, чтобы получить свой минеральный безалкогольный Rosari Sweat. Будучи почтительным от проведенной беседы проявил небольшое расположение.

"Ты знаешь, однажды я бросил айкидо?" – сказал он мне, предлагая мне Hi-Lite чрезвычайно резкие японские сигареты, единственные которые он курил.

Мой голос не всегда звучал как мой собственный, когда я разговаривал с Мастардом. Он звучал фальшиво, даже для меня самого. "Почему вы бросили?" – настойчиво спросил голос.

"Политика. Я застрял в политике додзё, поэтому почти год не тренировался. Может раз в месяц или реже. Я перестал пытаться заниматься айкидо. Я просто приходил и валял дурака. А потом произошло что-то странное. Внезапно я стал швырять людей без малейшего усилия. В конце концов я понял, о чем шла речь."

Голос определенно подбирал тупейшие вопросы: "И о чем шла речь?"

Он улыбнулся, и шлепнул конец изношенного черного пояса на стол. Это был мастардовский способ отвечать на глупые вопросы. Жест означал "тренируйся усердней".

- В тот год я преподавал в младшей высшей школе. Я накопил кучу денег. Я приобрел симпатичную пятикомнатную квартиру. Знаешь, с моим уровнем, если бы я был боксером, я бы уже был миллионером.

- Конечно-конечно, – я кивнул.

- Если бы у меня был сын, я бы не отпустил его в боевые искусства. Я бы отправил его бросать бейсбольные мячи, как только бы он начал ходить.

- Чтобы он заработал миллион!

- Точно. В айкидо нет денег, во всяком случае, если ты честный и хочешь учить людей реальной вещи.

- Понятно, – Реальная вещь – опять эта фраза. Именно этого хотел голос. Быть признанным как реальный.

- И я ведь не молодею. Мне тридцать восемь и все становится сложнее и сложнее. Но с другой стороны – я становлюсь сильнее. По меркам айкидо я сильнее сейчас, чем когда-либо раньше. В этом месте только один человек сильнее меня.

Я задумался, почему он меня пытался убедить. Я уже был "истинно-верующим", о чем и хотел сказать, но голос мне не позволил.

"Точно," я закивал искренне. Повисла неуютная тишина и мы оба отвели взгляд. Когда я вернулся, Мастард засовывал свои сигареты Hi-Lites обратно в куртку доги. Потом, на мгновение он посмотрел так, словно говоря: ты представления не имеешь о чем, черт возьми, я с тобой говорил, не так ли?

Настрой Мастарда был таким же как и у Тессю: "Если нет однозначной решимости, то человек не преуспееет, даже если будет тренироваться годами".

Чида-сэнсэй теперь был ведущим учителем, с тех пор как Канчо перестал учить, но Мастард был искусным шоуменом. Он знал как вдохновить новичков дав им намек на силу, даруемую айкидо. После занятий он оставался на татами, пока кто-нибудь не задавал ему вопрос. Тогда он звал уке, желающего атаковать, и шоу начиналось.

Уке пытался ударить его и Мастард незначительно сдвигаясь в сторону, поворачивался и швырял атакующего на расстояние двух-трех матов. Это был вертолетный бросок. Или еще Мастард мог мгновенно двинуться навстречу атаке, уклониться от нее и снести уке прямым входом ладонью в его челюсть, передавая достаточно силы, чтобы после при падении тело атакующего отпружинило от земли.

У Мастарда была "магия", способность бросать людей довольно сильно и практически без усилия. Канчо-сэнсэй сказал: "Если айкидо не кажется немного поддельным, то это не реальное айкидо". Эта способность изображать подделку была магией айкидо, способностью использовать всю силу тела, чтобы произвести впечатление потрясающих масштабов. Никаких больших рук, никакой раскачанной груди, просто чувство времени и координация веса тела настолько совершенны, что атакующий будет лежать в потрясении на полу еще до того, как поймет, что его ударили. Это было другим определением "магии" – чувство "а что меня стукнуло", ощущение, что приложенная сила чрезвычайно несоразмерна эффекту, оказанному на атакующего.

Объяснение Тессю волшебных способностей проще: "Пустой разум отражает искажения и "тени", присутствующие в разумах других. В искусстве меча "пустой разум" позволяет нам видеть совершенное место для удара; в повседневной жизни это позволяет нам смотреть в чужие сердца."

Как только вы чувствовали технику, то вы обычно становились "верующим", кем-то кто получил некоторую веру в идею о магических способностях. В конце концов, вы видели и чувствовали как уке, столь много случаев волшебства, что это стало обычным. Когда вы исполняли волшебство впервые самолично, тогда, как говорил Мастард, не было пути назад. Я спросил его, сколько времени прошло перед тем, как он "получил силу". "Спустя два года, после того как я закончил полицейский курс, спустя десять лет, после того как я пришел в айкидо."

Десять лет были долгим обучением волшебству.

Он казался много старше и более мудрым в свои тридцать восемь. Было что-то героическое в нем, он казался старым норвежским богом на земле язычников, анахроничным Торином Оакэншилдом. Его, как казалось, не пугало ничего, кроме его учителя Такэно и гнева Кэрол, его крошечной подруги. Она запретила ему курить, и теперь он делал это в тайне, потягивая сигареты с высоким содержанием смолы в чайной комнате перед занятиями.

Иногда Мастард предоставлял свое тело для ритуального осмотра:

"Ну-ка, пощупай это."

Он помещал своё толстое костистое запястье в мои руки и крутил им. Чувствовалось словно гравий хрустел вокруг сустава. Тогда он закатывал рукав.

"Проверь локоть."

Его руки не были прямыми, они имели обратный изгиб в локтях. Правый локоть имел еще более пугающий изгиб, чем левый. Это буквально означало, что Мастард принимал более жесткие броски справа. Он сломал, ушиб, надломил и растянул фактически каждую часть своего тела. Он считал это достойной платой.

Каждый год, на Всеяпонской Демонстрации Айкидо, Мастарда выбирал в уке конкурент Чида сэнсэй, чудовищно мощный Такэно, в которого некоторые верили, как в самого сильного айкидока в мире. Оба, и Такэно и Чида, были учениками Канчо, хотя Такэно несколько лет назад ушел, чтобы открыть своё собственное додзё, занимаясь более быстрой и захватывающей формой айкидо, чем Чида в главном додзё. Такэно, как известно, был зверски жесток. "Несколько нокаутов полезны, это очищает мозг," обычно говорил он. Учи-деши, которые часто уходили последними, однажды уходили с Такэно, который вышел из запертого додзё ночью, и никогда больше не вернулся.

Уке получает айкидо мастера. Короче говоря, уке нападает и проигрывает. Никого не били больше, чем Мастарда. И он выбрал этот путь потому как целеустремленно верил, что единственно хороший способ обучения состоял в том, чтобы "чувствовать" технику мастера и пробовать скопировать ее: "Канчо был

укэ Уэсиба. Такэно был укэ Канчо. Я был укэ Такэно. Это прямая линия. Это единственный способ получить реальную силу."

Это было одной из его любимых фраз: "реальная сила". И хотя это было напыщенным, он втягивал вас в свой мир, мир боли и оскорбления в руках великого мастера, что было единственным способом научиться, в чем он так хотел убедить вас.

Мастард перенял скрытый расизм японских боевых искусств. Он принял его, но это ожесточило его. Его сдерживали на уровне пятого дана, хотя его уровень превышал седьмой дан японцев. Это ожесточало. В конце концов, именно его Такэно предпочитал в укэ, не японцев.

Во время его экзамена на пятый дан Канчо сказал, "Хорошее лицо". На том уровне айкидо, где простое техническое великолепие было доказанным, это было самой высокой похвалой. "Хорошее лицо" означало больше, чем просто свирепое выражение лица. На полукодированном языке мастера боевых искусств это означало, что Канчо воспринимал Мастарда серьезно как бойца. Это означало, что несмотря на искусственность испытания, Мастард не выглядел глупым, скорее он сохранил внутреннее достоинство, необходимое для воина, человека готового умереть в любой момент.

Когда мне было шесть, я хотел иметь старшего брата, и мой кузен, которому было десять, исполнил его роль. Как и все старшие братья повсюду он испытывал удовольствие в досаждении своему преданному приятелю. Он заставил меня похоронить моего Экшн Мэна в куче компоста, называя это "операцией маскировки". Он поджег модель самолета Эйрфикс, которую кропотливо собирали, и бросил его из окна второго этажа. "Он был подбит," объяснил он. На каникулах, в Корнуолле, он вынудил меня ходить босиком по горячему гравию через автостоянку. Я сделал это, потому что хотел быть похожим на него, хотя время от времени я не перестаю думать, почему я сделал это?

Эта потребность подражать старшим продолжилась, когда я начал писать стихи. Я следовал довольно обыденным путем, копируя Китса потом Хардли, Элиота, Паунда, Йетса и Аудена. Сейчас я копировал Мастарда, кроме единственной вещи в нем, я мог действительно подражать его походке. Я тянул свои плечи вниз и старался стать основательно устойчиво с каждым шагом, как это делал Мастард. У него это создавало впечатление непринужденной силы, но я понял, что не добился такого же эффекта когда Фрэнк прокричал сзади: "Мне кажется, что у тебя перенапряжен таз."

Мы сидели в ресторане Кена, когда Мастард вытянул свои ноги под малюсеньким столиком и заполнил собой пространство. Кен был гавайским японцем, и его жена управляла рестораном. Они подавали отличную ставриду с ароматным рисом и этот ресторан был единственным в округе, не приправлявшим все аджиномото, японским глутаминатом натрия.

Мастард держал палочку для еды в одной руке, сжимая ее пальцами, так что средний палец находился под палочкой, а все остальные сверху.

"Люди говорят о ки - но что такое ки? В тренировках ведь центральным является не ки, а то, что нужно уметь отдавать все и то, что нужно быть готовым умереть. Когда ты приходишь в додзё, ты должен развивать такую систему мышления."

Соответствующие крики одобрения и поддержки послышались от собравшихся обедающих людей.

"Если я вижу кого-то, кто не имеет уважения к учителю я просто уйду. Я не стану учить такого человека. Такэно-сэнсэй ударил бы его, но я просто отойду. Без уважения нет обучения."

Я вспомнил как Фрэнк изобразил легкое недоверие, когда Мастард продемонстрировал на нем технику как-то после занятия. Инстинктивно Мастард выполнил технику на Фрэнке в полную несдерживаемую силу. Фрэнк поднял себя с пола, ухмыляясь извинительно и потирая плечо. Прошло около месяца, прежде чем плечо зажило.

Мастард держал свою палочку. "Смотрите"

Он легко ее сломал.

Я попробовал повторить трюк, но в результате только посадил серьезный синяк на среднем пальце. Палочку легко разломить или разбить, но сломать ее используя только ограниченную силу пальца, а не руки сложно.

"Для этого нет правильной техники, - рассмеялся Мастард, - только годы тренировок."

Затем он сломал две палочки сразу. Потом три. Он ухмыльнулся нашим удивленным лицам и сказал, "Я знаю только одного японского учителя, который мог бы сломать четыре."

В моем понимании Мастерд имел героическую черту, которой я давно хотел обладать: эдаким достоинством истинного мачо, которому, мне кажется, он научился у своих японских учителей. Кроме того он был мазохистом, жестким человеком, пьяницей и сентиментальным человеком. Он часто нес ерунду и я знал, что это ерунда – все, что касалось воинского духа и готовности умереть в любой момент – но тогда и там эти слова имели смысл, они заполняли пустоту во мне, сентиментальную бесполезную пустоту созданную годами здравого смысла и предупреждений одевать защитный шлем, когда садишься на велосипед. Это были дикие вещи и их говорил взрослый человек. Он также был "мастером" – он мог претворить слова в действие. Такие люди обладали серьезной силой и я позже смог оценить всю глубину решения сделать подобного человека своим героем.

Однажды Мастерд спросил меня невзначай, не собираюсь ли я пойти на полицейский курс. Я был слишком удивлен, чтобы ответить. В итоге я промямлил "может быть". До тех пор я был уверен, что обязательным требованием для зачисления на курс было обладание черным поясом, если не в айкидо, то по крайней мере в другом боевом искусстве. Мастерд имел уже черный пояс третьего уровня, когда восемь лет назад пошел на курс сэншусей.

Начав заниматься айкидо в Японии в штаб-квартире в Токио, я мог проскользнуть через заднюю дверь. Если бы я подал просьбу о зачислении на курс извне Японии, требования были бы более строгими. Но если я продолжу тренироваться усердно (т.е. каждый день в течение следующих шести месяцев), они могут позволить мне попасть на курс гражданской полиции.

Но был ли я достаточно хорош, чтобы выдержать одиннадцать месяцев сложных тренировок, пять часов в день, пять дней в неделю? Я не знал. Я действительно не знал. Я спросил Даррена, бывшего прыгуна из Австралии, который закончил полицейский курс в тот же год, что и Пол. Даррен был таким же крутым, как и все остальные в додзё, но он был открытым и скромным, что упрощало общение с ним по сравнению с Полом. Даррен был одним из шидоин (ассистирующих учителей) для следующего курса сэншусей. "Если захочешь, то сможешь, – сказал он, – Все именно так. Просто надо захотеть. Имей ввиду, когда я закончил курс, думал, что никогда не смогу бегать, мои колени были в плохом состоянии..."

Студенты курса гражданской полиции были известны как "сэншусей", проходящие обучение специалисты, и в конце года они получали разрешение на преподавание. Но в течение года к ним относились как к низшим членам додзё. Они лишались статуса обладателей черного пояса и должны были носить белые пояса во время курса как символ смирения. Они должны были чистить туалеты и душевые и чтить учителей как богов.

Метод обучения мало изменился со времен Японской Имперской Армии, духовным приемником которой являлась современная полиция; японская армия или силы самообороны были подвержены наибольшему вниманию американских оккупационных войск и прошли более тщательную чистку от японского милитаризма.

Учитель лишен беспокойства о привлечении студентов и даже их удержании. Он может быть настолько тверд и жесток, насколько пожелает, и все равно продолжит получать зарплату от попечителей додзё. В число попечителей додзё Ёшинкан входила корпорация Сасакава, которая была известна своими традиционными, если не ультра-националистскими, симпатиями. Сам Сасакава был заключен в тюрьму под категорией А военных преступников с 1945 по 1948 гг. И Канчо и его отец были членами ультра-националистского общества Черный Дракон, секретной довоенной группировки, к которой также принадлежал Сасакава. Настойчивость на "Духе" в Ёшинкан айкидо произошло из того же философского обоснования, что и ультра-националисты, хотя указанием, со времен войны, стало сделать "Дух" личным стремлением, а не националистическим идеалом. Канчо, я уверен, был не очень заинтересован в политике, но его мышление больше склонялось вправо, чем влево. Если полиции требовался кто-то для наполнения ее офицеров "Духом", айкидо Ёшинкан – было совершенным орудием, с его довоенной националистической репутацией и послевоенным успехом в качестве жесткого и методичного боевого искусства.

"Дух" тогда был довольно недавним культурным приобретением в изучении айкидо. В отличие от разнообразных школ искусства боя на мечах, айкидо, до конца девятнадцатого века, было в основном секретной формой джиу-джитсу. Оно передавалось по наследству в знатных семьях, преподавалось только верным

слугам и сыновьям аристократов. Ямато Дамаши, Дух Японии, был широко распространенной культурной идеей на протяжении всей истории существования Японии, но была введена в айкидо в националистическую эпоху 1920–30х. Даже тогда это было только айкидо Ёшинкан, которое поддерживало эту связь, Другие формы айкидо отражали философские верования их ведущих мастеров. Уэсиба, отец-основатель современного айкидо, в большей мере объединил его айкидо с эксцентричным религиозным культом Омото. Томики, который учредил "спортивное" айкидо, был более подвержен влиянию педагогической системы департамента образования Университета Васэда. Только Канчо придерживался истинному довоенному представлению "Духа". Обучению "Духу" и был посвящен курс сэншусей.

Моя физическая форма улучшилась за последнее время занятий айкидо Я дополнил это, став членом дорогого спортклуба, заполненного женщинами в эротично обтягивающих спортивных брючках и беговыми дорожками. Хотя раскачивание тела и считается большинством серьезных айкидока пустой тратой времени, тем не менее я чувствовал себя лучше с чуть большим количеством мышц. Я тренировал падения на пористых гимнастических покрытиях. Падения, как я полагал, будут представлять проблему. Я мог делать кувырок вперед, но падение, вроде кувырка вперед в воздухе, было для меня сложно освоить. Все говорили, что если ты не можешь падать до начала курса, у тебя будут серьезные трудности, потому что тренировка требует выполнения большого количества падений. И если ты не сможешь падать из броска, то получишь конкретную взбучку.

Я начал бегать, выбегая из Фуджи Хайтс рано вечером, пробегая мимо железнодорожных путей до ближайшего парка Шакуджикоен. Я оббегал вокруг озера в парке несколько раз, высматривая каймана, которого там заметило местное телевидение. Я так его и не увидел. Как и не увидел утку с арбалетной стрелой, застрявшей в шее, еще одного недавнего беженца по данным прессы.

Этот парк был одним из немногих моих мест контакта с природой. По краям он был почти диким, что дало возможность началу истории с кайманом. Там была маленькая святыня, построенная на сваях в озере. Осенью, перед тем как стемнеет, туман опускался на озеро и кружился вокруг основания святыни. Человек, который играл на тенор-саксафоне, часто на скамье рядом с озером, играя Моцарта. Музыка и туман нависали над озером, пока я тяжело тащился вблизи слегка лесистых склонов.

Я оценивал других, тех кто записался на курс с подозрением – действительно ли они были более жесткими чем я? Там был маленький Агэстино, китайско-португальский австралиец, который говорил каждому, что он был инструктором рукопашного боя в австралийских спецподразделениях. У Агэстино, или Ага, как ему нравилось, чтобы его называли, были шрамы по всему его телу, даже на его яичках, однако я не чувствовал, что достаточно хорошо знал его на данном этапе, чтобы расспрашивать его о них. Ага хорошо относился к продуктам для здоровья Nuskín. Он агитировал бедных глупцов, чтобы помочь продать их спортивные пищевые продукты по завышенным ценам. Правда об Ага была более банальна: он фактически был бухгалтером, который был на тренировках австралийских спецподразделений, как член местных войск связи. У Ага были тонкие запястья, маленькие кости, но очень большие грудные мышцы. Он много говорил к тому же, ерунду главным образом. Я узнал это от Дэнни, его напарника, который был в той же группе и так же проходил курс. У Дэнни была широкая улыбка, неизменно зубастая улыбка. У него был вид парня, который отправится в Галлиполи и не вернется. Но у Дэнни было жилистое супергибкое тело, с которым он не имел никаких проблем с выносливостью. Я не думал, что Ага был жестким, он лишь разговаривал жестко, но Дэнни, несмотря на его мальчишеский интерес к дельфинам и опасным паукам, выглядел по деловому.

Уильям Хауэлл, мой американский друг, также склонился к прохождению курса. Перед приездом в Японию он был матросом на траулере и охотником он оленей в своем родном штате Вашингтон. Уилл был манерен и выглядел отлично, но он также уважал книжное обучение. Он всегда просил Криса порекомендовать ему хороший текст и, иногда, он читал их. Женщины любили Уилла, но он отшивал их машинально и непринужденно. Он был взволнован мистичностью курса. "Это наш Вьетнам," говорил он обычно. В другие времена он был более прозаичным: "Это сможет каждый, это все равно что юридическая школа". Выживет ли Уилл? Я думал да, он вложил всю свою гордость в то, чтобы завершить курс.

Друг Уилла Адам, также записался на айкидо и на курс. Толстый, но гимнастичный, тяжелый, но гибкий, Адам выглядел как парень, всегда избиваемый людьми, которым не нравилось его лицо и его скороговорки в стиле Робина Вильямса. По прошествии некоторого времени в его компании я начал понимать почему так было. Он чередовал немощную пассивность со склонностью измываться, когда была возможность выйти сухим из воды. Он женился на японской девушке когда ему было восемнадцать и она забеременела. Теперь ему было двадцать два и его жена отправилась с их маленькой девочкой в Америку. Адам рассматривал курс как некоторую терапию: если бы он смог закончить его, это доказало бы, что он не был полным неудачником. Я был убежден, что Адам бросит через неделю. Он был никуда не годным, несмотря на то, что был профессиональным скейтбордером, у него была старая травма колена, которая все еще давала о себе знать.

Толстый Фрэнк хотел пройти курс, но его ситуация с визой не позволяла ему сделать этого. Он похудел, его руки до плеч и его бычья шея без труда стали достаточно крепкими. Я пробовал убедить его жульничать, чтобы поступить на курс, но мы знали, что Пол, усердный английский полицейский, разнюхает все. Крис поддерживал, но был гномичен: "У меня есть весомая оговорка относительно способа обучения Гражданской Полиции. Но ты не будешь сожалеть, если закончишь этот курс." Он был также честен по отношению к себе: "Я не уверен, что сам лично мог бы закончить его. Я тоже склонен к несчастным случаям. И, по тому, что я мог наблюдать, основная часть курса это умение справляться с травмами."

Было сложно сравнивать себя с теми иностранцами, которые сейчас проходили курс сэншусей. Я не знал как они выглядели до начала курса. Сейчас, в середине, они все казались очень сильными и физически развитыми. Только Ник, англичанин, которого, как я видел, запугивал Мастерд, был настолько неловким, что все еще делал странные ошибки в базовых движениях.

Студенты сэншусей избегали говорить с обычными учениками и сидели, мрачные и неулыбчивые, в раздевалке между занятиями. Я видел их только после занятий. Они все выглядели молодо с тонкими жилистыми телами. У одного из них была челку как у попугая Какаду, что казалось весьма скандальным для гражданского копа, но возможно конечно большую часть времени она была бы скрыта под шлемом.

Я знал, что если бы я начал курс, то уже не смог бы бросить. Слишком большой был бы удар по моей гордости. И если быть достаточно искренним, то я не сильно отличался от Адама, используя невероятно трудные тренировки, как способ доказать, я так рассчитывал, что я действительно существую.

Я задумался об остальной моей жизни. Что мне было терять? В конце концов это было всего лишь на год. Если сравнение возможно, то эквивалент начальной подготовки в школе Тессю занимал три года. С течением месяцев я развил в себе ощущение неизбежности. Я говорил об этом так много, медитировал над вероятными травмами, промывал себе мозги идеей, что курс был единственным способом моего реального прогресса в боевых искусствах. Большое решение постепенно растворилось в месяцах агонии подсознательного процесса самоуверения в собственных способностях. Когда я заплатил деньги и отдал все формы, включая одну, где взял на себя всю ответственность за возможные повреждения и летальный исход, это вовсе не казалось таким уж большим делом.

Когда бы меня не видел Мастерд, он начинал посмеиваться надо мной и приговаривать: "Ты - мой! Ты- мой!", что очевидно должно было послужить мне предупреждением.

За три месяца до начала курса сэншусей была устроена "интернациональная вечеринка". Все иностранцы, которые занимались айкидо в додзэ и японский состав участвовали в ней.

Я разговаривал с Ником, который решил бросить курс за два месяца до окончания. У него было печальное лицо и он нервно тушил сигареты о кусок дыни. Под стрессом у Ника развилась астма. Во время занятия в режиме "хаджиме" (постоянная тренировка без отдыха) с японским учителем, который обладал репутацией безжалостного, у Ника началась гипервентиляция. Учитель заметил, что Ника перестал тренироваться, подошел и начал орать на него. А потом ударил его по лицу.

Ник сказал мне: "Я действительно испугался. Я говорю о том, что это Япония. Я совершенно не знал, что он собирался сделать. Он мог сделать что угодно..."

После того как учитель ударил его, он заставил Ника сделать несколько серий вездесущих "кроличьих прыжков" (усаги тоби – стандартное наказание в Японии, упражнения, которые типично по-японски выглядят мило и глупо, но на самом деле требуют больших усилий). Сейчас усаги тоби запрещены в японских высших школах в качестве наказаний из-за летальных исходов. Вероятно, они также не являются и лучшим лекарством от гипervентиляции. Это привело Ника в крайне напряженное состояние. Беременность его девушки стала последней каплей, он оставил курс и уехал из Японии.

Другой учитель, Шиода-младший, сын основателя славился особой жесткостью в отношении к неапонцам. Поговаривали, что это был результат его вынужденного трехлетнего проживания в Англии в 1980-е, куда отправил его отец, в то время закладывавший фундамент для своих международных связей. В те годы молодому Шиода Англия показалась жалким местом. Молодые женщины, вероятно, смеялись над его чудным и исковерканным английским и как его литературный предшественник Натсуме Сосеки, он тосковал в холодном и мокром английском климате.

Говорили, что из-за неприятных английских воспоминаний, его вендетта против гайдзин, была особенно заметна в отношении англичан.

Все это казалось слишком нелепым, чтобы быть правдой, но когда он подошел ко мне на зимней вечеринке в додзё, его манера общения была необоснованно агрессивной, хотя английский очень хорошим. Со своим монотонным, но почти истеричным допросом, Шиода-младший в свои 43 года, показался мне исключительным воплощением садистского офицера японской армии 1941 года.

- Почему ты решил учиться на курсе сэншусей? – спросил он.

- Я очень интересуюсь японской культурой и верю, что айкидо хорошо воспитывает Дух, – был дан стандартный ответ.

- Ага, Японский Дух. Это очень важно. – Он уставился на меня с вызовом, – Японский Дух – самая важная вещь!

- Японский Дух – очень интересен, – сказал я.

Он коротко кивнул и ушел.

- Ты ему понравился, – сказала мускулистая израильская девушка, сидевшая рядом. Как и многие из бывших израильских военных, она перекочевала в боевые искусства и столь же умело использовала ругательства, как и остальные мужчины.

- С чего ты взяла?

- Потому что он улыбнулся.

- Он не улыбался.

- Если не считать садистский смех, то самое близкое к улыбке – это когда он кивает. Кивок – это улыбка. Поверь мне, если ты ему не понравишься, то ты это действительно поймешь.

Адам, другой будущий сэншусей, тоже на той вечеринке прошел через допрос Шиода.

- Какой неприятный парень, – сказал он, слегка показав головой в сторону Шиода-младшего, который в тот момент сидел. – Он сказал мне, что я слишком полный для занятия айкидо.

- Ты немного полноват.

- Я знаю, но я о том как он это сказал; так словно он думал освежать меня и зажарить на обед. В нем есть что-то людоедское.

После сидячей части вечеринки мы переместились в ночной клуб в Шиндзюку сан-Чоме, квартал красных фонарей в Токио. По пути к станции Оямада-сэнсэй, схватив Майка "Толстяка" Стумпела за голову и выполнив движение айкидо, засунул его в живую изгородь. Толстяк был сэншусей и со своими 6,2 футами (прим. пер. – 189 см) серьезно возвышался над Оямадой. Но Оямада был учителем, поэтому Толстяк мог только кротко улыбаться. Я обратил внимание, что весь остаток вечера он вынимал из ушей ошметки кустарника.

В ночном клубе, дискотеки в стиле регги, под названием "MC 1000", я впервые познакомился с Роландом "Терминатором" Томсоном, австралийцем шотландского и ирландского происхождения с примесью китайской и аборигенной крови для ровного счета. Он был известен как единственный человек, который смог противостоять болевому контролю никадзо, выполненному Канчо. Его звали "Терминатором" потом, что после одного занятия с ним ты, как нам сказали, чувствовал, что тебе пришел конец и не хотел уже продолжать. Я, по простоте душевной, спросил есть ли у него совет для новичка. Роланд рассмеялся с издевательской иронией, что меня совершенно смутило. Он был моим ровесником,

но с его рыжими волосами и изрытым оспой лицом в форме картофелины, покатыми плечами, большими запястьями и шестифутовым телосложением, он казался старше, безобразнее и бесконечно круче. У него было тихое и очаровательно рассеянное поведение в трезвом состоянии. После нескольких стаканов он становился жестче, грубее и более опасным.

Нынешние студенты курса сэншусей поделились своими советами. Майк "Шип" Кимеда, наполовину канадец, наполовину японец, отец которого был известным учителем айкидо в Торонто, сказал: "Обеспечь, что всегда есть кто-то, кто хуже тебя. Это твоя страховка. Если кто и сломается, то это будет парень снизу, а не ты."

"Толстяк" Стумпел, другой канадец, сказал мне: "Ты не можешь подготовиться к курсу. Он задуман так, чтобы подтолкнуть тебя дальше, чтобы ты мог двигаться сам по себе. Ты не можешь подготовиться так, чтобы делать шестьсот подъемов корпуса или час дзю-вадза, практике против любой возможной атаки, которая истощает после нескольких минут."

Оба, Толстяк и Шип должны были стать ассистентами (севанин) на моем будущем курсе. На самом верху был учитель, затем шел шидоин, затем севанин и в самом низу студенты сэншусей. Все издевались над уровнем ниже их, а над студентами сэншусей издевались все.

Джон Коффей, американец и еще один крепкий парень (он был третьим даном и закончил курс три года назад - его брат был ведущим хоккейным игроком Пол Коффей), говорил мягче и имел более философский подход. Он посмотрел на меня взглядом Марлона Брандо в фильме Апокалипсис сегодня. "Я помню, что после окончания курса я пошел в горы к так называемым отшельникам. Это были Дзэн-буддисты, вся атмосфера была очень сдержанной и даже суровой. Нам давали очень мало еды и лишали сна. Мы стояли под ледяными водопадами - и все в том же духе. Через несколько дней я стоял в этой ледяной воде и вдруг меня накрыло осознание. Внезапно я понял, что мое тело было дерьмом. Это не было моим мнением - я просто это знал. Всего лишь дерьмом, мусором, а вовсе ни чем особенным. И знай я это до начала курса, многие вещи были бы... проще." Он улыбнулся и я заметил разные маленькие шрамы на его лице.

Я решил уйти от запахов и шума ночного клуба. Мне нужен был свежий воздух. Много свежего воздуха. Как только я торопливо попрощался, Роланд зафиксировал на мне взгляд своих серых водянистых глаз. "Опасная вещь это айкидо. С айкидо ты можешь убивать людей." Он не улыбался. "Спасибо, Роланд, - сказал я и поспешил к выходу, раздумывая почему собственно мне хотелось стать таким же как они.